

Эндрю Мортон

ШПИОН ТРЕХ ГОСПОД

Невероятная история человека, обманувшего
Черчилля, Эйзенхауэра и герцога Виндзорского

Истории и тайны (АСТ)

Эндрю Мортон

**Шпион трех господ. Невероятная
история человека, обманувшего
Черчилля, Эйзенхауэра
и герцога Виндзорского**

«Издательство АСТ»

УДК (100)"1939/45
ББК 63.3(0)62

Мортон Э.

Шпион трех господ. Невероятная история человека, обманувшего Черчилля, Эйзенхауэра и герцога Виндзорского / Э. Мортон — «Издательство АСТ», — (Истории и тайны (АСТ))

ISBN 978-5-17-096156-6

Для любителей загадок истории книга «Шпион трех господ» станет увлекательнейшим путешествием в мир тайн политической арены периода Второй мировой войны.

УДК (100)"1939/45
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-17-096156-6

© Мортон Э.
© Издательство АСТ

Содержание

Благодарность	6
Глава первая	8
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эндрю Мортон
Шпион трех господ
*Невероятная история человека, обманувшего
Черчилля, Эйзенхауэра и Гитлера*

Andrew Morton
17 CARNATIONS

Печатается с разрешения издательства Grand Central Publishing, Hachette Book Group,
1290 Avenue of the Americas, New York, NY 10104. И агентства Andrew Nurnberg.

Серия «Истории и тайны»

© Виктория Тен, перевод
© ООО «Издательство АСТ»
© Andrew Morton
© Grand Central Publishing

* * *

Посвящается Кэролин

Благодарность

Несколько лет назад мое внимание привлек отрывок пронзительной и местами резкой биографии короля Георга VI, написанной историком Сарой Брэдфорд. Речь шла о поездке двух королевских придворных в немецкий замок спустя всего несколько недель после окончания Второй мировой войны. Позже выяснилось, что один из них был советским шпионом. Король Георг VI поручил им забрать связку писем, якобы принадлежащих королеве Виктории и ее старшей дочери. Но вскоре стало ясно, что за этим могли стоять более корыстные мотивы.

Брэдфорд объясняла, как наступающие союзные войска выкопали помятый металлический контейнер, накрытый невзрачным плащом. В нем находились важные документы, касающиеся внешней политики Германии, включая документы на герцога и герцогиню Виндзорских, чьи нацистские взгляды до и во время войны вызывали подозрения и недоверие среди Союзников. Проанализировав эти спрятанные документы, влиятельные политические личности решили, что материал был настолько провокационным, что требовал англо-американского сотрудничества на высшем уровне для предотвращения утечки информации. Эта интригующая история была готова для дальнейшего расследования.

Но была одна проблема. Большая часть действий происходила в Европе, а я только женился на дизайнере интерьеров из Америки и какое-то время жил в Лос-Анджелесе в Калифорнии. Однако иногда некоторые вещи предначертаны судьбой. Профессор Джонатан Петруполс, автор всестороннего исследования «Королевская семья и Рейх» о связях между европейскими членами королевских семей и гитлеровским Третьим Рейхом, жил всего в получасе езды от колледжа МакКена в Клермонте. Он щедро поделился своим временем, академическими контактами и советами, это был неиссякаемый источник вдохновения и понимания, который также стал моим хорошим другом.

Он познакомил меня с Астрид Эккерт, специалистом в области современной истории Германии. Ее увлекательная книга «Борьба за файлы» с детальными исследованиями пролила свет на дипломатические интриги, стоящие за захватом и последующим возвратом немецкой «души» – официальных архивов страны. Она не только любезно поделилась со мной официальными документами, которые до этого времени были скрыты от посторонних глаз, но и предложила много свежих идей для исследования.

Судьба сыграла свою роль и в отслеживании источников. Вскоре выяснилось, что скрытые архивы в США были столь же важными, если не еще более важными, что и документы в Великобритании и Европе. В институте Гувера в Стэнфордском университете в Калифорнии находились бумаги, касающиеся, помимо прочего, Дэвида Харриса и Пола Свита, двух решительных профессоров, которые давали отпор всем, кто хотел уничтожить или скрыть изобличающие доказательства о герцоге и герцогине Виндзорских. В библиотеке хранились и другие документы на других участников этой истории, в частности на принцессу Стефанию фон Гогенлоэ, прозванную «шпионской принцессой» Гитлера, и на соседа Уоллис Симпсон в Лондоне.

Когда расследование переместилось в Москву, казалось, что госпожа удача продолжала улыбаться мне. В исследовании были две неуловимые нити: роль советского шпиона и придворного Энтони Бланта в этой королевской детективной истории и возможное существование в российских архивах скрытой переписки между герцогом Виндзорским, Гитлером и нацистским правительством. Спасибо журналисту Уиллу Стюарту, который нашел и перевел до этого неизвестную биографию Бланта, написанную на русском бывшим послом в Лондоне Виктором Поповым, которому был дан специальный доступ к файлам КГБ.

Еще более волнующей была работа исследователя, доктора Себастьяна Панвица, который согласился пойти в Российский государственный военный архив (Sonder Archiv) в Москве

в последний день августа, как раз перед его закрытием на зиму. Он вышел с потрепанной папкой, на которой еле виднелись от руки написанные слова «Риббентроп» и «Герцог фон Виндзор». Была ли она документальной связью между Риббентропом, Гитлером и герцогом Виндзорским, которая доказывала бы его государственную измену? К сожалению, большая часть содержимого была записана с помощью стенографии, еще и на немецком. В 1930-х использовалась система Штольце-Шрея, но благодаря связям Манфреда Дюрхаммера, Эрих Вернер, специалист по стенографии из Люцерны, согласился взяться за перевод. Моя сердечная признательность за его неустанные усилия в извлечении языка из замысловатых символов.

А вот откупорить бутылку шардоне в винном баре в Челси и рассуждать над диссонансом между Георгом VI и его старшим братом, герцогом Виндзорским, с историком Сарой Брэдфорд, которая и вдохновила меня на весь этот путь, было уже не столь затруднительно. Как всегда, ее идеи и наблюдения говорили сами за себя.

Биограф Уоллис Симпсон Энн Себба, которая триумфально превратила «чудовище» в человека, тоже очень помогла, предоставив возможность направить мое расследование в другое, новое русло.

Выражаю благодарность Барбаре Мейсон, потомку Германа Роджерса, который был хорошим другом и советником как для герцога, так и для герцогини Виндзорских. Будучи неофициальным хранителем семейного архива, она дала согласие на использование ранее не опубликованной переписки между Германом, герцогом Виндзорским, президентом Рузвельтом и другими действующими лицами книги. Она также предоставила доступ к фотографиям и кинокадрам, снятым Германом во время исторических событий короткого правления короля Эдуарда VIII. Они появятся в этой книге впервые. Барбара очень поддержала этот проект. Я очень ценю ее поддержку и энтузиазм.

И все же нельзя зайти далеко на Виндзорскую «территорию» и не признать вклад Филипа Зиглера, чья официальная биография Эдуарда VIII остается непоколебимым шедевром, и вклад Майкла Блоха, чье необыкновенное исследование, в особенности это касается операции «Уилли», и неограниченный доступ к переписке герцога и герцогини Виндзорских, превратили их с Зиглером знания в эталон, которому нужно следовать.

Многие другие люди внесли свой вклад в мое понимание этих сложных времен, а также понимание связанных с ними персонажей. Я бы хотел выразить признательность и благодарность Джону Беллу, Кристоферу и Катарине Блэр, Миранде Картер, Бену Фентону, доктору Эберхарду Фрицу, Делиссе Нидхэм, профессору Скотту Ньютону, Линн Олсон, профессору Полу Престону, доценту Доналу О'Салливану, Пендлтону Роджерсу, профессору Жану Эдварду Смигу, Геннадии Соколову, Роджеру Вейлу, профессору Герхарду Вайнбергу, профессору Дугласу Уилеру и Саше Зала.

Мои трудолюбивые исследователи Никки Тэан, Зоя Лозоя и Кристен Ли нашли неожиданную ценную информацию во время работы, Натан Эрнст тщательно занимался переводами, а фотоисследователь Лора Ханифин и рестовратор Дженни Флауэрс творили чудеса в студии Alive Studios в Девоне за сжатые сроки. Спасибо моему агенту Стиву Трохе за его помощь, Деб Фаттер за то, что указывала правильные направления, Рiku Боллу за умелое редактирование рукописи и помощнице редактора, Дианне Чой, за то, что поддерживала всю работу на плаву.

И, наконец, спасибо моей дорогой жене Кэролин за ее постоянную любовь и поддержку. Некоторые вещи просто предрешены судьбой.

Эндрю Мортон, Лондон, ноябрь 2014

Глава первая

Питер Пэн, или Принц, который не хотел взрослеть

Он был первым королевским секс-символом современной эпохи: задумчивый взгляд принца Уэльского украшал тумбочки и стены общежитий тысяч девочек и девушек по всей Британской империи. Он приносил лишь головную боль своему суровому отцу, королю Георгу V, но принц Эдуард – или просто Дэвид в кругу семьи, – был бесспорным любимцем империи.

Даже республиканская Америка пала перед чарами настоящего героя войны, который обладал актерской внешностью. Журналистка Адела Роджерс Сент-Джонс, которая брала интервью у голливудских звезд, была столь яркой его фанаткой, что хранила фотографию принца в серебряной рамке на своем туалетном столике. «Каждая девушка в Америке мечтала станцевать с ним», – вспоминала она. В течение следующих нескольких лет он пытался угождать этой прихоти.

Сравниться с неотразимым шармом будущего короля-императора в 20-е годы могла бы только лишь звезда немого кино Рудольф Валентино, чья соблазнительная игра в фильмах «Шейх» и «Кровь и песок» превратила бывшего уборщика посуды во всемирно известного сердцееда.

Его лицо было повсюду: на пачках сигарет, в журналах светской хроники и ежедневных газетах, каждое его публичное появление было освещено в Pathé News и показано на местном телеканале Роу. Появление принца Уэльского заставляло женские сердца трепетать, а матерей сжимать кулаки в надежде, что их дочь станет его избранницей. Мужчины копировали его изящное чувство стиля: принц Уэльский популяризировал одноименную ткань в клетку, которую впервые стал носить его дедушка, король Эдуард VII. Стоило ему появиться в одном из пуловеров с жаккардовыми узорами, как фабрики начинали работать сверхурочно, чтобы справиться со спросом на такой же пуловер.

Однако его привлекательность таилась не только в его вездесущем присутствии в печатных изданиях. В отличие от своих прародителей: неулыбчивой королевы Виктории, надменного Эдуарда VII и его строгого отца, короля Георга V, было в нем что-то мягкое, даже дружелюбное. Он выглядел более человечно, чем остальные, почти уязвимым. Возможно, всему виной его чистая, мальчишеская внешность или его худощавое телосложение, которое принесло ему прозвище «маленький мужчина» – так его называли за спиной. Скорее всего, многих интриговала печаль, которая скрывалась в его обеспокоенных, грустных глазах. Если глаза – это действительно зеркало души, то перед нами был молодой человек в муках. В его взгляде было то, что лорд Эшер назвал мировой скорбью, мрачным признанием мира, каков он есть, а не каким он должен быть. Это был взгляд человека, который видел больше печали и страданий, чем выпадало на долю обычных людей. Такой взгляд был у вернувшихся солдат, переживших ужасы окопов. Он был символом, он был мостом между измученными войной миллионами людей, которые до сих пор цеплялись за быстро угасающую стабильность в мире на пороге ужасов 1914 года, и беспокойным будущим, где был подъем национализма, наступление рабочего класса и отступление аристократии.

Премьер-министр в военное время, Ллойд Джордж, инстинктивно признал, что принц был самым ярким драгоценным камнем в королевской короне. Он утверждал, что этот камень должен быть выставлен на показ. В конце войны в 1918 году он попросил принца совершить поездку по колониям и доминионам, чтобы поблагодарить людей за их поддержку и жертвы ради родной земли. Премьер-министр хотел, чтобы принц Уэльский играл «многогранную,

яркую, но при этом совершенно естественную роль». Если звезда империи смогла бы поднять уровень торговли для истощенных производителей Великобритании, то почему бы и нет.

Когда пять императоров, восемь королей и четыре императорские династии были признаны устаревшими из-за конфликта, наступил идеальный момент для того, чтобы подчеркнуть, что новоиспеченный дом Виндзоров – Георг V изменил прежнее немецкое название Саксен-Кобург-Готской династии в 1917 году, – оставался неизменной основой системы взглядов империи, над которой никогда не заходило солнце. Убийство императора Николая II и его семьи в Екатеринбурге в июле 1918 года большевиками только усилило необходимость в этом, в особенности из-за того, что Георг V носил странное сходство с убитым царем. Этот варварский инцидент не просто пошатнул в короле «уверенность в порядочности человечества», но и породил в его сыне пожизненное отвращение к большевикам, убийству его крестного отца, Николая II, тем самым настроив его против советской власти и их взглядов.

Таким образом, его, казалось бы, бесконечные и трудные императорские поездки – в 1920-е он посетил 45 стран и преодолел примерно 150 000 миль на кораблях и поездках, – были прекрасной возможностью укрепить монархию и познакомить империю с человеком, который в один прекрасный день взойдет на престол. Это была непростая задача для несколько наивного молодого человека, ему было всего 25 лет, он часто не мог морально справиться с потоком странных лиц, необходимостью публичных выступлений – умение, которое не появляется с рождения, – и, конечно, бесконечными рукопожатиями. Тон был задан во время его первой поездки в Канаду в 1919 году, он объездил страну на поезде, возлагал венки, смотрел парады и представления. Его приезд вызвал такую истерию, что его правая рука покрылась синяками и стала настолько опухшей после всех рукопожатий, что ему приходилось прибегать к рукопожатиям левой рукой.

Временами это поклонение королевской особе граничило с мессианством, принц слышал крики людей: «Я дотронулся до него, я дотронулся до него», – когда он шел через толпу. Как он лаконично заметил: «Когда у них не получалось дотронуться до меня рукой, им хватало прикоснуться ко мне свернутой газетой». Это был удивительный шаг навстречу переменам со времен правления его деда, Эдуарда VII, который приезжал в карете, разрезал ленту, провозглашал то или иное место открытым и при этом даже не выходил из кареты.

Такое почти религиозное поклонение можно было наблюдать не только в колониях. В ноябре 1919 года, когда завершился его трехмесячный тур по Канаде, он отправился в короткое путешествие по Вашингтону и Нью-Йорку, встречался с ранеными на войне и лично знакомился с сенаторами и конгрессменами. Он также лично посетил Белый дом, где президент Вильсон восстанавливался после инсульта.

Америка была для него неизвестностью, и изначально он волновался, как его примут. Его предыдущий и единственный контакт с американцами произошел во время войны, когда он смотрел парад в Кобленце, в котором участвовали 25 000 военнослужащих, он был поражен их дисциплиной. Военный парад тогда получил скудное освещение в прессе, чего не скажешь о его танцах с американскими медсестрами на последующем после парада приеме.

Его визит на Восточное побережье не стал исключением: на танцевальных вечерах, устраиваемых в его честь, многие девушки, выезжавшие в свет в первый раз, совершенно теряли голову. Как заметил один из его помощников: «Он сделал вывод, что может больше повлиять на сознание американцев, танцуя с дочерьми сенаторов, нежели путем переговоров с самими сенаторами». Будучи самым завидным женихом в мире, ему прочили в жены столько девушек, что он завел книгу «Мои невесты», куда клеивал все ложные статьи из газет о том, когда и на ком он должен был жениться.

Кульминацией его первого визита стал торжественный проезд по улицам Манхэттена, это было «неописуемо захватывающее» действо. Как позднее вспоминал принц: «Я задыхался

от запаха бензина, но сидел сзади и махал рукой как актер, которого огромная толпа вызвала на поклон».

Благодаря этому волнению, которое вызвал краткий королевский визит, драматург Альберт Э. Томас был вдохновлен на написание романтической комедии, которая, как ни странно, оказалась пророческой, о принце, который влюбился в американскую красавицу и отказался от престола, чтобы жениться на ней.

Энтузиазм на Восточном побережье подкреплялся поклонением на Западном. В апреле он остановился в Сан-Диего по дороге в Австралию и Новую Зеландию на крейсере «Ринаун», присутствие принца возбудило немалый гражданский интерес. С политической точки зрения, его прибытие значило, что «особые отношения» между странами сохранились, несмотря на то, что Сенат отверг Версальский договор и отказался стать членом Лиги Наций. Он был первой настоящей королевской знаменитостью, принца видели как человека Нового Света: его привлекательные черты, юношеский вид, бесконечная вежливость и неформальные манеры делали из него обычного парня, современного, доступного и демократичного, а не феодальный анахронизм.

«Он человечный, и это очень приятно», – высказал мнение местный репортер, а другой наблюдатель заявил, что принц был таким же «американцем», как и любой мальчик в их школах. На приеме на борту линкора USS New Mexico, главного представителя Тихоокеанского флота США, принц и его компаньон и друг, лорд Маунтбеттен, познакомились с рядом местных государственных деятелей и почетных гостей. Среди них был и лейтенант Уинфилд Спенсер с супругой Уоллис. Они пожали друг другу руки и двинулись дальше. Спустя годы Уоллис будет жаловаться, что ни Маунтбеттен, ни ее супруг, герцог Виндзорский, не помнили этой встречи. Естественно Уоллис ее помнила, так как оделась для своей первой встречи с королевской особой, «чтобы сразить наповал».

Не подозревая о знаменательном характере этой встречи, принц отправился на другой конец земного шара, где он вновь испытал на себе волну преклонения и обожания, которые характеризовали его поездку в Северную Америку. «Они убивали его добротой», – вспоминал Маунтбеттен. История повторилась в Индии, Нигерии, Южной Африке и во многих других государствах империи или в странах, которые были торговыми партнерами такими, как Аргентина или Япония, где он считался великолепным торговым представителем Британии. Во время его поездки в Австралию премьер-министр Билли Хьюз сказал ему: «Люди видят в вас то, во что сокровенно верят».

Они поклонялись ложному богу. Это была гротескная иллюзия, чудовищный фарс, разыгрывающийся перед невинной общественностью. А немая, непоколебимая реальность заключалась в том, что принц не верил ни в себя, ни в свою будущую роль в качестве короля. В моменты тоски и неуверенности в самом себе, которые были не так уж и редки, он чувствовал, что живет обманом, пытаясь походить на образ, с которым у него настоящего нет ничего общего. Его тяготила сама мысль о становлении королем и почитании всеми этими миллионами людей, он ненавидел само существование того, что он насмешливо называл «принцеванием».

«Если бы только британская общественность знала, каким слабым, бессильным страдальцем был их национальный герой, восхваляемый в прессе», – сказал он своей девушке Фриде Дадли Уорд.

Его подавленность часто проявлялась в его отказах от будущей роли короля. Эта тема настолько часто всплывала в его разговорах, что друзья и советники опасались за будущее империи. Жизнь, в которой он должен был служить своей стране, слишком редко входила в его королевскую повестку дня. Его обязанности в качестве принца, о чем он без конца жаловался Фриде Дадли Уорд, было легче выполнять за границей. Наверное, потому что не приходилось выносить много старомодных и скучных людей и условностей.

Он был склонен к задумчивым депрессиям, и в темных уголках сознания принц решил, что самоубийство будет единственным выходом из его пожизненного тюремного заключения. По возвращении из успешного тура по Северной Америке в 1919 году его нездоровый темперамент заиграл с новой силой. Он сказал своему личному секретарю, сэру Годфри Томасу, что он чувствует себя «безнадежно потерянным», будто начал сходить с ума. «Я ненавижу свою работу... Я чувствую, что с меня хватит, я хочу умереть». В знак стремления к бегству он купил ранчо в 1600 акров в Альберте, принц был ослеплен романтическими мечтами о простой жизни вдали от забот и своего титула. Однако за все время владения собственностью это убежище он посетил лишь четыре раза за сорок лет.

Его депрессии были частыми и продолжительными, особенно во время дальних морских плаваний из-за бесконечных имперских поездок. Лорд Маунтбеттен вспоминал, как несчастный принц часто говорил, что хочет поменяться местами со своим компаньоном. Перед тем, как отправиться в Австралию и Новую Зеландию, он устроил истерику со слезами, якобы потому что не хотел оставлять свою возлюбленную Фриду Дадли Уорд. Как вспоминал Маунтбеттен: «У него часто менялось настроение, у него были приступы абсолютной подавленности. Он производил хорошее впечатление... но потом его охватывали приступы – они появлялись из ниоткуда, – и он закрывался в кабине на несколько дней, совершенно один, с напряженным лицом и задумчивым взглядом. Он был одиноким человеком, одиноким и грустным».

Когда он наконец получил то, что хотел, и отрекся от престола в 1936 году, его бывшая няня Шарлотта «Лалла» Билл написала жалостное письмо королеве Марии: «Вы помните, Ваше Величество, когда он был совсем юным, он не хотел жить и не хотел становиться королем?» По его мнению, отречение стало финальным отказом от лжи, которая преследовала его с детства. Принц считал, что восприятие королевской семьи общественностью в качестве идеальной семьи было нелепым мифом. «У меня было несчастное детство», – рассказал он американскому писателю Чарльзу Мерфи. «Конечно, были и короткие счастливые периоды, но я помню их главным образом как несчастье, которое я должен был держать в себе». Из-за избиений со стороны садистских нянь и гувернеров, из-за безрадостного наблюдения и резкого неодобрения со стороны матери и отца, короля Георга V и королевы Марии, которые всегда держали дистанцию, из-за издевательств со стороны сверстников этот чувствительный, умный и одинокий мальчик понял, что личное счастье даже не присутствовало в формуле королевского существования.

Мемуарист сэр Генри «Чипс» Ченнон описал разговор с королевой Марией как «разговор с собором Святого Павла», а письма, полученные от родителей во время имперских поездок, «холодными и неестественными», будто глава компании писал своему подчиненному. В своих довольно жалких попытках найти общий язык с родителями, молодой принц научился вязать крючком, чтобы угодить матери. Страшные вызовы в отцовскую библиотеку были неизменной прелюдией к королевским наставлениям работать и стараться изо всех сил. «Не забывай о своем титуле и помни, кто ты», – постоянно твердил его отец.

Он должен был положить свою жизнь на алтарь монархии и обменять привилегии и статус на пожизненное бремя долга и службы. Такой контракт он подписывать не хотел, его внутренняя борьба выражалась в его нервном поведении: он постоянно теребил запонки, дергал узел галстука и постоянно держал сигарету в руке или трубку во рту. Алкоголь помогал ему забываться, принц приезжал на официальные мероприятия, страдая от похмелья.

В современном мире его искаженное видение самого себя, его убеждение, что он был толстым, хотя на самом деле он был болезненно худым, его приступы интенсивных физических упражнений и скудное питание – он никогда не обедал, – указывал на то, что он мог страдать от пагубного расстройства пищевого поведения, анорексии. В то время его личный секретарь, не зная о таких расстройствах, ограничивался тем, что называл эксцентричный образ жизни принца и его привычки в еде «идиотскими» и «совершенно безумными».

Больше всего на свете он хотел не выделяться, хотел, чтобы к нему относились, как к остальным. Ему все время напоминали о его обособленности, порой очень жестоким образом. С того момента, как он был зачислен в военно-морской колледж Осборн в возрасте 13 лет – потом принц посещал военно-морской колледж в Дартмуте, – у него было, как он говорил, «отчаянное желание, чтобы ко мне относились, как к любому другому мальчику моего возраста». Вместо этого другие кадеты смотрели на него как на экспонат в музее, они издевались над ним и дразнили, однажды покрасили его волосы красными чернилами, в другой раз устроили имитацию казни: высунули его голову через окно и опустили створку окна на шею как гильотину.

Позже он посещал колледж Магдалины в Оксфорде вместе с другим королевским сверстником, князем Югославии, Павлом. В отличие от своего королевского друга, он был, по словам князя Павла, «застенчивым и скромным, не мог влиться в университетскую жизнь или завести с кем-то дружбу». Один из наставников описывал его как «отбитого от стада барашка», через два года принц бросил колледж, так и не окончив его.

Вспышка Первой мировой войны в августе 1914 года принесла острое осознание того, что как бы он ни старался, что бы он ни делал, он, принц Уэльский, отличался от своих друзей и товарищей. Несмотря на то что после долгих споров он все-таки получил назначение в Гвардейский гренадерский полк, его оставили в Англии, в то время как его подразделение было направлено воевать во Францию. Он спросил командующего армией, лорда Китченера: «Какая разница, убьют ли меня? У меня есть четыре брата». Перед лицом такой фаталистической гиперболы Китченер объяснил, что не может позволить будущему королю подвергаться такой опасности, тем более что его могли схватить и взять в заложники.

Это было, как вспоминал принц, самое большое разочарование в его жизни – быть на войне и не видеть саму битву было совершенно удручающим. Он прошел через длительный период отчаяния и ненависти к себе, чувство неполноценности отразилось на его привычках в еде. Это вызвало у него мысли о самоубийстве, эта тема не раз всплывала в его жизни. В конце концов ему разрешили присоединиться к военному штабу во Франции, где ему иногда можно было находиться рядом с линией фронта. Этот опыт имел на него отрезвляющее действие, он сформировал свое видение мира: принц обвинял в пагубном поведении политиков, которые создали конфликт между немцами и англичанами, у которых, по его мнению, было много общего.

29 сентября 1915 года он присоединился к генерал-майору (позже фельдмаршалу) лорду Кавану в поездке на линию фронта в Лоос. Когда они приближались к месту, в сорока ярдах от них взорвался снаряд.

Позже он написал: «Естественно мертвые лежали непогребенными, в тех позах и местах, где они упали, и ты понимал весь ужас войны. Те мертвые тела представляли душераздирающее и отвратительное зрелище. Жестоко было погибнуть в нескольких ярдах от твоей цели после смертельного спринта длиной в 300 ярдов. Это был мой первый реальный взгляд на войну, он тронул и впечатлил меня до глубины души».

Когда они вернулись в церковь Вермеля, где он оставил свою машину и водителя, они обнаружили, что шофер принца был убит взрывом шрапнели. Этот трагический случай подчеркнул случайный характер смерти во время войны.

Принц Эдуард относился к поколению, которое преследовали ужасы Первой мировой войны, масштаб убийств оставил на них незаживающий шрам. Много лет спустя он вспоминал: «Мне стоит лишь закрыть глаза, и я вновь представляю эти ужасные обугленные поля, километры настилов в море грязи, колонны солдат,двигающихся к линии фронта, колонны солдат,двигающихся назад, их жизнелюбие исчезло, их глаза мертвы. Я помню запятнанные кровью куски формы и шотландки; на земле лежали трупы, лошади пытались выбраться из воронок, которые оставили снаряды».

Когда принц Эдуард вернулся домой, казалось, что войны, которая должна была положить конец всем войнам, вовсе не было. Жизнь его отца продолжалась в том же невозмутимом темпе; в Сэндригэме, его усадьбе в Норфолке, часы спешили на полчаса, чтобы оставить больше светлого времени суток для охоты. Когда ружья замолкали, король возился со своей обширной королевской коллекцией марок. Для монарха это было успокаивающим занятием, а для принца Уэльского все это представляло собой королевский двор, который был не просто скучным, а застрявшим в прошлом веке. Для человека, который считал себя передовым членом так называемого «Века джаза», он испытывал отвращение к будущему, состоящему из непривлекательной перспективы церемониальных посадок деревьев, встреч с людьми и занятий благотворительностью.

Позже он объяснил: «Должность монарха... безусловно, может быть одним из самых разочаровывающих и наименее мотивационных видов деятельности для образованного, независимо мыслящего человека. Даже святой был бы доведен до белого каления».

Усугубляло разочарование принца и то, что король даже и не думал давать своим сыновьям хоть какую-нибудь ответственность и относился к ним как к маленьким мальчикам. Неохотно Георг V позволил будущему королю взглянуть на государственные бумаги только после того, как узнал о своей смертельной болезни в конце 1928 года. Как австралийский дипломат Ричард Кейси сказал премьер-министру Стэнли Брюсу: «История повторяется: король Эдуард никогда не подпускал нынешнего короля к документам или, как я считаю, держал его подальше от ответственности так долго, насколько мог себе это позволить».

Суровость придворной жизни, тусклые формальности и тяжелое бремя долга лежали огромным камнем на плечах принца Уэльского, что неустанно напоминал ему о жизни, предсказуемости и бессмысленности. Конечно, он был не первым – и не будет последним, – принцем, который ощутит на себе все эти ограничения – значительно перевешивающие привилегии, – данные при рождении, как писал Вордсворт: «На Мальчике растущем тень тюрьмы сгущается с течением лет...» (*В переводе Г. Кружкова*).

Все при дворе отца, начиная от тяжелой темной викторианской мебели и заканчивая неестественной формальностью его советников, говорило о другой эпохе, о мире, который был далеко позади. Даже королю иногда приходилось время от времени признавать новый порядок. В январе 1924 года Георг V принял с визитом первого премьер-министра из Лейбористской партии, Джеймса Рамси Макдональда, который был незаконнорожденным сыном шотландского пахаря. «Что бы об этом подумала королева Виктория?» – вопрошал король Георг V в своем дневнике. Макдональд имел репутацию смутьяна, так что во время войны в МИ-5 решили начать уголовное преследование за его мятежные речи. Правящие круги – включая принца Уэльского – охватило еще большее волнение, когда правительство Макдональда стало первым правительством на западе, которое де-юре признало новый режим в России.

Камнем преткновения для отца и сына стал Новый Свет как в мыслях, так и на деле. В том же году, когда Макдональд был избран премьер-министром, принц отправился, как он тогда считал, в свое убежище, в США, в страну без помпезности и формальностей, которые доминировали при дворе. Там он мог наслаждаться подобием жизни, свободной от ограничений, накладываемых его отцом.

Его опыт в Америке воодушевил его на мысли о том, что он мог бы выбрать путь, проходящий между его личной жизнью и общественными обязанностями. Но это не то отступление от правил, которое король и королева, их советники и пресса позволят ему принять. Реальность заключалась в том, что его гедонистическая личная жизнь вторглась в общественный долг, навязанный ему семьей, политиками и народом Великобритании.

Демонстративно назвав эту поездку отпуском, принц провел три славные недели летом 1924 года за танцами, алкоголем и играми в поло на Лонг-Айленде с компанией американцев, которую британский посол Эсме Ховард пренебрежительно назвал «нефтяными магнатами».

Заголовок в *Gazette Times* 8 сентября 1924 года обобщил поведение принца так: «Принц любит Америку; он не хочет уезжать. Вновь замечен на вечеринке, откуда бесследно исчезает. Затем замечен за поеданием хот-дога на улице. Танцевал с герцогиней».

Его возмущал «проклятый шпионаж» – как он это называл – со стороны американской прессы, а его действия только лишь воодушевляли матерей семейств, которые мечтали, что их дочери правда могут стать той единственной для холостого принца. Когда он впервые прибыл в Нью-Йорк на борту «Беренгарии», он сделал себя заложником судьбы, положительно ответив на вопрос журналистки, которая спросила, женится ли он на простой американской девушке, если когда-нибудь влюбится в нее.

Охота началась. «Впервые в истории столичного общества гостя этих берегов так настойчиво и непомерно чествовали», – писал один нью-йоркский обозреватель. Нет ничего удивительного в том, что когда принц посещал очередные устраиваемые в его честь танцы, его любимой мелодией была «Leave me alone» («Оставьте меня в покое»).

Ни публика, ни пресса ему такой возможности не предоставила. Когда бумажник его конюшего, Фрути Меткалфа – глава секретариата принца описывал его как «слабого и безнадежно безответственного», а британский посол говорил о его «пагубном влиянии», – был обнаружен за радиатором в квартире проститутки, нью-йоркское общество и пресса наслаждались этим скандалом. Фрути Меткалфа назвали бонвиваном и обвинили в том, что он вел будущего короля по наклонной. С того момента были предприняты серьезные усилия, чтобы разделить их, но безуспешно.

В письме личному секретарю короля посол Ховард сухо заметил, что в следующую поездку в Америку «ему нужно будет избегать танцев субботними вечерами и посещать церковь по воскресеньям».

За это ему нужно было заплатить. Король чувствовал, что каникулы принца выходили за рамки, но когда он узнал о поведении своего старшего сына – и его окружения – поездки в Америку больше не рассматривались на повестке дня. Как личный секретарь короля лорд Стэмфордхем сказал Эсме Ховарду: «В умах мыслящих людей, безусловно, возникло значительное беспокойство, так как вся эта поездка больше характеризовалась как непрерывная форма отдыха и развлечения, легкомысленная и с отсутствием достоинства».

Принц был «крайне разочарован», решение короля еще больше усилило расхождения между старомодным отцом и современным сыном, принцем Уэльским. Для будущего короля Америка представляла собой своего рода свободу, по крайней мере, свободу от ограничений двора. Для Георга V же Америка была иностранной республикой, где неосторожный член королевской семьи мог легко сбиться с пути.

Но при дворе тревогу вызывало не только его поведение в Нью-Йорке. Список его проступков рос каждый день. Он часто опаздывал на официальные встречи, а когда он появлялся, ему было скучно, и он постоянно отвлекался и хотел поскорее уйти. Во время визита в Чили один наблюдатель описал его как «олицетворение тоски, нетерпеливое, желающее поскорее убежать», а в Аргентине он вновь был так утомлен быть центром внимания во всем этом цирке, что визит был отменен прямо на полпути. Его утомляли даже балы, принц в последнюю минуту отказывался идти на танцы, устраиваемые в его честь.

Его специфическое чувство стиля, чрезмерное употребление алкоголя, его неуместная болтовня и его пирушки по ночам в клубах приводили короля в бешенство. «Ты одеваешься как невежа. Ты ведешь себя как невежа. Ты и есть невежа. Убирайся!» – кричал он. Так агрессив и придиричиво король относился к своему старшему сыну, который все-таки был героем войны, награжденный медалями. Многим такое отношение казалось чересчур придиричивым, так как он мужественно выполнял свой долг в военное и мирное время. Реакция на отцовские упреки была показательной – принц в слезах клялся отказаться от престола и уехать жить в какую-нибудь колонию. Перед лицом родительских замечаний или любого рода враждебности

его первой мыслью был побег. Это была его позиция по умолчанию, которую он использовал для того, чтобы произвести деструктивный эффект, когда хотел отречься.

Его любовь к скачкам со своим собутыльником Фрути Меткалфом еще больше раскрыла характер человека с еле уловимым понятием об осторожности и чувстве самосохранения. Он был известен безрассудством в езде на лошади, риски, которым он себя подвергал, заставили бы других наездников содрогнуться от ужаса.

Казалось, что своим поведением он пытался бросить вызов судьбе, он бросался в крайности, так как вся его жизнь была полностью лишена опасностей. Такая черта принадлежала не только принцу Эдуарду – его потомок, принц Чарльз, несколько раз обманывал смерть, а именно когда он катался на лыжах и играл в поло, не говоря уже о погружении под воду на Северном полярном круге и прыжках с парашютом.

Беспокойство во поводу поведения Эдуарда росло, и после его падения в 1924 году в Арборфилд Кросс – когда он несколько часов находился без сознания – премьер-министр Стэнли Болдуин и Георг V настояли на том, чтобы он перестал участвовать в гонках и скачках с препятствиями. Его конюшня была продана на аукционе – но только через пять лет.

Беззаботное упрямство принца, легкое пренебрежение последствиями его действий сливались в единое целое с человеком, который искал выход, любой выход из своей неизбежно ужасной судьбы. По иронии судьбы, его безрассудные скачки только добавили его образу романтическую привлекательность в глазах общественности. У его близкого круга советников и доверенных лиц было другое мнение. В апреле 1927 года личный секретарь принца Алан «Томми» Ласеллс пожаловался Стэнли Болдуину на наследника, заявив, что он «направляется прямоком к дьяволу» в своей безудержной погоне за вином и женщинами. Он добавил, что для него самого и для страны было бы лучше, если бы во время одних из своих скачек он сломал бы себе шею.

Болдуин ответил: «Да, простит меня Господь, но я часто думал о том же».

В то время как ореол мальчишеского обаяния принца придавал ему неоспоримую привлекательность и популярность, будущие перспективы не были столь привлекательны. Его советники и придворные, собственно, как и сам принц, жили обманом, скрывая тот факт, что он искал любой предлог, чтобы убежать от своей судьбы. В какой-то момент в 1928 году все его старшие советники – адмирал Лайонел Хэлси, сэр Годфри Томас и Алан Ласеллс – всерьез задумались над этим вопросом, трио полагало, что принц Уэльский совершенно не подходил на роль будущего государя.

В конце концов растущая пропасть между беззаботным образом для публики и подавленной реальностью достигла пика. Ласеллс не выдержал, последней каплей стала поездка в Африку в 1928 году, когда королевская свита находилась в поезде в Танзании. Он получил срочную телеграмму от премьер-министра Болдуина, в которой говорилось, что король серьезно болен и принц немедленно должен вернуться домой. Принц Эдуард решил, что Болдуин блефовал и вернулся к своим утехам: он соблазнял, впоследствии с успехом, некую госпожу Барнс, жену местного чиновника. Эгоистичное поведение принца вынудило Ласеллса написать заявление об отставке. В их последнем разговоре будущий король бросил до боли знакомую фразу и откровенно признался: «Я совершенно не подхожу на роль принца Уэльского».

Напряжение и стресс, которые испытывали придворные, пытающиеся примирить непригодную реальность с ярким образом принца Уэльского, напоминают суматоху внутри Букингемского дворца несколько десятков лет спустя, когда стало ясно, что нынешний принц Уэльский, принц Чарльз, был отчаянно несчастлив в браке с леди Дианой Спенсер и вернулся в объятия своей любовницы Камиллы Паркер Боулз. Отличие заключается лишь в том, что в 1930-х пресса была куда более податливой, весь поток и публикация информации контролировались несколькими владельцами изданий такими, как лорд Бивербрук и лорд Ротермир.

Тем не менее катастрофа была неизбежна. Лорд Стратмор, отец новой герцогини Йоркской, был одним из тех, кто, сам того не желая, пришел к выводу – круг таких людей все увеличивался, – что холостой принц никогда не взойдет на престол. Годы шли, а мрачное предчувствие охватило уже не только придворных принца, но и весь британский правящий класс.

Глава вторая

Адольф Гитлер, королевский сводник

В королевских домах Европы брак был серьезным делом. Естественно там почти не было места для любви, страсти или романтики. Королевские браки организовывались, капризам сердца было не место перед неумолимыми требованиями долга и династии. Те слабые члены королевской семьи, которые имели неосторожность влюбиться и жениться на ком-то ниже своего статуса, бросались в социальную «изоляцию».

Родители принца Уэльского, король Георг V и королева Мария, были типичными представителями кастовой системы, где члены королевской семьи женились только на членах другой королевской семьи. Англичане обычно вступали в брак с немецкими представителями королевских семей. Во время долгого правления королевы Виктории действовал приказ, согласно которому ее решения о выборе брачных партнеров для ее растущей семьи были безоговорочными. Когда в 1892 году ее внук и наследник престола, Альберт Виктор, герцог Кларенс, неожиданно умер незадолго до свадьбы с немецкой принцессой Викторией Марией Текской, сердце старой королевы почти не екнуло. Она вызвала его младшего брата Георга, в то время подающего надежды морского офицера, и приказала ему уйти из военно-морского флота и жениться на принцессе Марии и подготовиться к царствованию. Любые личные амбиции или чувства Георга исчезли под покровом монархии, хотя по счастливой случайности он полюбил Марию. Он должным образом выполнил свой долг, женился на принцессе Марии в июле 1893 года, а годом позже у них родился наследник, Эдуард Альберт Кристиан Георг Андрей Патрик Дэвид, в семье его называли Дэвидом.

Так как воспроизведение потомства – это главная функция королевских семей, брачные игры начались примерно с того момента, как родился Эдуард Альберт. Королевские родители по всей Европе смотрели на свое потомство с мыслью, что однажды кто-то из них сможет ухватить этот лакомый кусок и станет супругой будущего короля-императора, правителя величайшей империи. Это была невинная игра, к которой могли присоединиться все: и бедные, и богатые. Открытие мемориала королеве Виктории перед Букингемским дворцом предоставило первую публичную площадку для обсуждения темы, которая потрясет страну. Немецкого императора Вильгельма II сопровождала его восемнадцатилетняя дочь, красивая, но властолюбивая принцесса Виктория Луиза. Ее сразу же выделили как будущую невесту для шестнадцатилетнего принца, газета Daily Express писала, как она взяла «Лондон штурмом». Принцесса, которой нравилось внимание, не была столь очарована своим возможным возлюбленным и отвергла принца Эдуарда слабой похвалой. «Очень хорош, но ужасно молод».

Но никто никуда не спешил. Принц был еще подростком, а новый король Георг V только вошел на престол после смерти Эдуарда VII в 1910 году. Тогда королю было 46 лет, у него было крепкое здоровье. Тем не менее не было ничего плохого в том, чтобы попробовать свои силы, его сын и наследник отправился навестить своих немецких кузенов весной и летом 1913 года. С виду эта поездка была нацелена на улучшение его языковых навыков и общих знаний, но также стала возможностью для немецких кузин попробовать окутать молодого принца своими чарами.

Как он отметил в своих мемуарах, он «блистательно» справлялся с посещением одного дворца за другим: «навестил дядю Вилли и тетю Шарлотту, прожорливых короля и королеву Вюртемберга, встретился с графом Цеппелином и увидел одноименный дирижабль, наслаждался любопытной встречей с Кайзером, который несколько пророчески описал принца как «молодого орла, который скорее всего сыграет важную роль в европейских делах, так как он далеко не пацифист».

Он до утра танцевал в ночных клубах Берлина, но вот романтической кульминацией стала его встреча с принцессой Каролиной Матильдой Шлезвиг-Голштейнской в ее семейном замке в Готе. Она происходила из королевской семьи нынешнего герцога Эдинбургского, супруга королевы Елизаветы II. Принцесса была стройной, элегантной и модной, принцу она показалась приятной личностью, с ней ему было легко говорить. Они так сблизились, что сын Кайзера Август Вильгельм впоследствии писал принцу, что им стоит заключить брак. Хотя Эдуард и колебался, он был полон энтузиазма и даже планировал вернуться сюда следующим летом. Пока все складывалось согласно традициям, будущий король искал жену среди немецких королевских семей. Разразившаяся война в августе 1914 года изменила ситуацию, годом позднее Эдуард говорил со своим личным секретарем Годфри Томасом о том, что могло бы быть, не случись войны. Томас позднее вспоминал: «Его Королевское Высочество был очень увлечен ею, и я абсолютно уверен, если бы не началась война, они бы поженились».

Как и ожидалось, из-за Первой мировой войны шансы принца найти жену из королевской семьи резко сократились. Изначально он ясно дал понять, что не собирается жениться на простолюдинке, что исключало возможность вхождения простой девушки, какое бы высокое происхождение она ни имела, в королевскую семью.

В этом плане он был даже консервативнее отца, который в июле 1917 года издал королевский указ, согласно которому не только формально переименовал династию из Саксен-Кобург-Готской в Виндзорскую, но также изменил правила вступления в брак. Начиная с того дня, его дети и наследники могли вступать в брак с английскими семьями, члены королевской семьи впервые в истории могли жениться на подданных.

Так как принц предпочитал прежнюю традицию, это сильно ограничивало его возможности, возможно, он делал это намеренно, так как сомневался, что вообще когда-либо женится.

Как он сказал Маунтбеттену: «Думаю, мне придется совершить этот роковой прыжок, хотя я постараюсь отложить его, насколько это будет возможно, так как это меня уничтожит».

Как и многие мужчины того поколения, он был застенчив, когда дело касалось женских форм – «непристойные и отвратительные», так он описывал голых проституток, позирующих в борделе в Кале – и несведущ о самом акте соития. Истории о его двойственной, если не сказать запутанной, сексуальной ориентации преследовали его всю жизнь. Его бывший личный секретарь Энн Сигрим считала, что его сексуальная амбивалентность проникла в самое сердце его сущности. Краеугольным камнем его характера была «фундаментальная неопределенность в своей сексуальной ориентации и неуверенность в своей гетеросексуальности. По сути, он боялся женщин».

В июле 1917 года, благодаря усилиям его конюших, французская проститутка Полетт помогла ему преодолеть его страхи. Последующий шестимесячный роман с парижской куртизанкой по имени Маргарита Алибер подарил принцу здоровый аппетит к сексу, что не соответствовало его мальчишескому, почти женственному лицу. Как грубо заметила леди Диана Купер, с тех пор на принце «постоянно были женские ноги». Эти ноги чаще всего были замужем.

В 1917 году его первой любовью на родной земле стала Марион Кук, жена виконта «Томми» Кука, наследника графа Лестера. Принц проводил так много времени в ее компании, что в конце концов ее муж потребовал держаться от нее подальше. Но это не остановило Эдуарда, он предложил ей навестить его в Париже. Она была на 12 лет старше Эдуарда, который выглядел моложе своих лет, она отклонила его безрассудное приглашение, которое бы не только разрушило ее брак, но и принесло позор в глазах общественности.

Он также ухаживал за лучшей подругой своей сестры леди Сибил «Поршей» Кадоган, одной из пяти дочерей графа Кадогана. Многие думали, и в первую очередь его сестра, что его ухаживания за Поршей, которые совпали по времени с его увлечением Марион Кук, вели его к алтарю. В июне 1917 года когда Порша отправила родителям телеграмму, в которой говорилось

«Помолвлена с Эдуардом», они посчитали, что в их семье теперь есть будущая королева. На самом деле, она оборвала связи с принцем и приняла предложение руки и сердца университетского друга принца, лорда Эдуарда Стэнли, у которого в тот месяц был двойной праздник, еще он выиграл дополнительные выборы от консервативной партии. Позднее он стал министром доминионов.

Отвергнутый одной потенциальной невестой принц мог выбирать из большого количества других амбициозных молодых английских леди, список которых был расширен благодаря указу короля. И когда принц прибыл в столицу в марте 1918 года – тогда он находился в отпуске – то согласно писательнице Синтии Асквит, там царило «дикое волнение». Она заметила: «Ни одна девушка не имела права уехать из Лондона... у каждой матери наблюдалось учащенное сердцебиение».

Всплывали различные имена в качестве возможных невест, но чаще всего говорили о леди Розмари Левесон-Гауэр. Признанная красавица, портрет которой написал художник Джон Сингер Серджент, дочь герцога Сазерленда, впервые встретила принца летом 1917 в Кале, где она работала в качестве медсестры Красного креста в госпитале под руководством своей матери Милисенты, герцогини Сазерленд. Принц прибыл с официальным визитом с королем и королевой и был сфотографирован с опущенной головой за беседой с аристократической медсестрой. В газете Illustrated London News ее описали «щедрой, веселой и доброй, готовой к любого рода активностям, особенно экспедициям на открытом воздухе», казалось, леди Розмари стала его утешением сразу после того, как его бросила леди Порша Кадоган.

После скоротечных ухаживаний принц, согласно леди Виктор Паже, одной из близких подруг Розмари, попросил ее выйти за него замуж. Оба родителя были против этого, королева Мария объясняла, что в одной из ветвей семейства Левесон-Гауэр текла «плохая кровь» – сумасшествие.

В то время психическая устойчивость была первостепенным фактором для короля и королевы. Тогда резко ухудшилось психическое состояние младшего брата принца Эдуарда Джона, который страдал аутизмом и был склонен к сильным приступам эпилепсии. Его держали в изоляции в Сандрингеме, несколько месяцев спустя, в январе 1919 года, он умер после очередного приступа.

Принц чувствовал «горечь и ярость» по отношению к родителям, он не мог принять их осторожности, он был раздражен тем, что они не давали ему следовать зову сердца. Леди Паже сказала писателю Майклу Торнтону: «Не думаю, что он простил своего отца. Мне также казалось, что с этих пор он передумал заключать брак, чтобы угодить семье».

Даже после того, как Розмари вышла замуж за Уильяма Уорда, виконта Эднама, позднее ставшего 3-м графом Дадли, в марте 1919 года в церкви Святой Маргариты в Вестминстере, принц продолжал находиться рядом с ней. Он в частном порядке навещал бывшую возлюбленную у нее дома на окраине Дадли в Мидлендс. Он был крестным отцом ее старшего сына Билли, который стал 4-м графом Дадли. Всю свою жизнь Билли забавляла возможность того, что принц мог быть его отцом.

Последняя размолвка принца с родителями, казалось, положила конец его традиционному поиску невесты. С тех пор он разрывался между великой страстью и случайными романами, неизменно с замужними женщинами. Крайности в романтических отношениях совпадали с его постоянными перепадами настроения, которые колебались от эйфории до отчаяния.

Во многих отношениях его следующая любовница Фрида Дадли Уорд, наполовину американка, жена члена Парламента и вице-камергера королевского двора, была, если не считать ее замужества, в высшей степени подходящим выбором для него. Его семья и друзья прагматично признали, что Фрида – дочь производителя кружева из Ноттингема, – которую он случайно встретил в конце войны, была «чем-то хорошим» в его жизни. Она была больше, чем

любовница, она становилась его доверенным лицом, его слушателем и матерью, безопасным убежищем, где он мог выплеснуть свое разочарование.

Его преданность своей любовнице была видна даже обычному наблюдателю. Когда Уинстон Черчилль, который относился к принцу как к сыну, поехал в Ноттингем с парой, он сразу увидел, что Эдуард обожает возлюбленную. «Было жалко смотреть на принца и Фриду. Его любовь была столь явной и очевидной».

Фрида, которую кузен Черчилля Шейн Лесли назвал «ангельской находкой», была воплощением спокойствия в моменты, когда принцем овладевала буря эмоций, она успокаивала и держала в рамках его истерзанную душу. «Не просто красивая и очаровательная, а уютная и теплая, – заметил Маунтбеттен. – Она была ему матерью, утешала его и давала советы, а он в своей любви был слеп к тому, что говорят окружающие».

Временами их отношения перерастали в отношения матери и ребенка, и это было даже не клише, когда незрелый мужчина ищет в возлюбленной подобие матери. «Я спятил, я готов умереть с тобой, если мы не сможем жить вместе», – один пример детского лепета, вышедшего из-под его пера. Эдуард полностью признал истину в словах Макса Бирбома о короле Георге IV: «Для королевской семьи он действительно был еще ребенком, он никогда не сталкивался с реалиями жизни, оставался инфантильным дольше, чем могут себе позволить остальные люди». Он утверждал, что правду о его предках можно применить в такой же степени и к нему самому. Он писал Фриде Дадли Уорд: «Никто лучше меня не понимает, насколько это актуально в моем случае».

Его поведение, безусловно, беспокоило короля и королеву, но он был не единственным ребенком, заглядывающим на замужних женщин.

Его младший брат, принц Альберт, был увлечен подругой Фриды, леди Шейлой Лафборо, австралийской красавицей, чей брак с лордом Лафборо трещал по швам из-за его проблем с алкоголем и азартными играми. Она и Фрида часто танцевали с двумя принцами на балах, что, как вспоминала сама леди Лафборо в своих мемуарах, «раздражало знатных пожилых дам». Но нам было все равно. Мы знали, что ни один вечер не был полноценным без нас – и без них.

Король пустил в ход все рычаги воздействия, он предупредил сына, что тот сможет получить титул герцога Йоркского, только если бросит Шейлу. Принц подчинился и, следуя указу короля, который позволял жениться на подданных, в 1923 году женился на Элизабет Боуз-Лайон, дочери известного шотландского дворянина, лорда Стратмора. И хоть этот брак и брак их дочери принцессы Марии в предыдущем году удовлетворили короля и королеву, теперь беспокойство у них вызывало поведение младшего брата Эдуарда – Георга.

Король и королева потеряли одного сына из-за врожденной болезни; теперь же появилась опасность потерять другого из-за пристрастия к наркотикам. Принц Георг окунулся в бурные двадцатые с головой, наслаждался алкоголем, наркотиками и диким сексом. Его чередой любовников – мужчин и женщин – включала, по некоторым данным, певицу Джесси Мэттьюс, драматурга Ноэля Кауарда, сводную бабушку принцессы Дианы, писательницу Барбару Каргланд и советского шпиона Энтони Бланта.

Однако тревогу забили из-за его давней связи с наркоманкой Кики Престон, известной как «девушка с серебряным шприцем». Пока его родители были охвачены отчаянным параличом, так как не знали, что делать с этой невыносимой ситуацией, принц Эдуард – со своей любовницей – взял все под контроль и попытался помочь побороть зависимость брата от кокаина и героина.

Для его «излечения» нужно было гарантировать, что Кики Престон больше не сможет влиять на Георга, поэтому принц «изгнал» ее на время в Швейцарию. Широко распространено мнение, что у принца Георга и его любовницы был ребенок, Майкл Кэнфилд, который в итоге стал издателем в Нью-Йорке. Он умер в 1969 году. (Неудивительно, что ввиду красочного

прошлого принца Георга, историки часто жалуются на нехватку переписки или любых других записей, связанных с принцем Георгом, герцогом Кентским, которые хранятся в королевском архиве в Виндзорском замке.)

С какими бы превратностями ни сталкивался Георг, факт оставался фактом: будущее короны лежало на плечах первенца. Хотя король не одобрял трусливый, но строптивый характер старшего сына, его друзей с дурной репутацией и его ночные похождения, он бы все ему простил, если бы он женился и произвел на свет наследника. Общественность, однако, не видела всей драмы, происходящей за воротами королевского дворца. Годы шли, а Эдуард не намеревался расставаться с Фридой и серьезно начинать поиски невесты, беспокойство начало распространяться и за пределами королевского двора. Плохое состояние здоровья короля – он так полностью и не восстановился после падения с лошади во время смотра войск в 1915 году – сделало тему брака насущной проблемой. Летом 1925 года его доктора настояли на круизе по Средиземному морю для восстановления здоровья, а в ноябре 1928 года после серьезного приступа сепсиса он стал настолько слаб, что в качестве меры предосторожности принц Уэльский был вызван домой из африканского тура премьер-министром Болдуином. Три месяца король провел на приморском курорте Богнор, а его старший сын с королевой Марией занимались большей частью его дел.

Опасения, что принц будет в один прекрасный день править будучи холостым, были настолько велики, что у премьер-министра Австралии Стэнли Брюса появились планы поговорить с ним как мужчина с мужчиной и внушить ему, что «уверенность в наследниках... не менее важна для поддержания Империи». Как австралийский дипломат Ричард Г. Кейси информировал Брюса: «Я слышал, что на принца Уэльского постоянно давят в отношении брака. Думаю, он переживает о своих чувствах, а это все же будет брак по расчету. Последующий скандал будет ничем не хуже, чем если бы он никогда не женился».

В какой-то момент Луис Маунтбетген составил список из 17 подходящих молодых представительниц королевских семей. Дочери принца Андрея Греческого – принцессы Маргарита и Теодора – были возможными кандидатками, но на тот момент лидировала 18-летняя принцесса Ингрид Шведская. Ее семья подходила в высшей степени, так как ее мать принцесса Маргарита Коннаутская и король Георг V были кузенами, внучкой и внуком королевы Виктории.

Летом 1928 года принцесса Ингрид приехала в Лондон в сопровождении министра Швеции, барона Эрика Пальмшерна, в надежде заполучить принца Уэльского. Начитанная, отчасти наивная девушка, ранее уже выражала желание стать королевой. Английский трон отлично бы для этого подошел. Пальмшерна хотя и надеялся на брак, не разделял ее уверенности. Он признал, что все это мероприятие было несколько «рискованным», его мнение оправдалось. Между 34-летним принцем и принцессой-подростком практически не возникло химии. В июле принцесса Ингрид вернулась в Стокгольм, ее надежды были на тот момент раздавлены¹.

В 20-х и 30-х годах перед будущим королем представили целый ряд кандидаток, отобранных семьей и правительством. Несмотря на Акт о престолонаследии 1701 года, римские католики не могли претендовать на престол, но это не остановило короля Витторио Эмануэле Савойского от попыток сосватать свою старшую дочь, принцессу Йоланду. К разочарованию короля его попытки обернулись ничем, и она вышла замуж за итальянского дворянина.

Во многих отношениях самой серьезной претенденткой стала та, которую предлагал только что избранный канцлер Германии Адольф Гитлер. Честолюбивый немецкий фюрер продвигал идею династического союза, который возвращал в дни Габсбургов и Ганноверов, а именно брак между знатной немецкой дворянкой и наследником британского престола.

---

¹ Ингрид Шведская стала королевой Дании в 1935 году, выйдя замуж за наследного принца Датского Фредерика IX.

В рамках своей грандиозной дипломатической стратегии после того, как он стал канцлером в 1933 году, Гитлер призывал к бракам между немецкими аристократами и европейскими коллегами, чтобы укрепить позицию своей страны на международном уровне. Например, он одобрил союз принца Бернарда Липпе-Бистерфельдского и принцессы Джулианы, дочери королевы Вильгельмины Нидерландской в 1937 году, так как посчитал его возможностью построить более крепкие отношения между двумя странами.

До заключения этого успешного союза глаз фюрера упал на принца Уэльского и принцессу Фридерiku, 17-летнюю дочь герцога Эрнста Августа III Брауншвейгского и его жены, герцогини Виктории Луизы, единственной дочери немецкого императора Вильгельма II и императрицы Августы Виктории.

Родословная принцессы Фридерики была безупречна. Будучи дочерью главы Ганноверской династии, она теоретически имела титулы принцессы Фридерики Ганноверской, Великобританской и Ирландской, а также герцогини Фридерики Брауншвейг-Люненбургской. Более того, будучи потомком короля Георга III, она формально была 34-ой в очереди на британский престол, однако эти титулы не имели силы после Акта 1917 года, который лишал врагов Британии рангов и почестей во время Первой мировой войны.

Мало того, что ее королевские полномочия были безупречными, но верность ее семьи нацистской партии также впечатляла. Ее отец, герцог Эрнст Август, часто появлялся в почетной коричневой форме штурмовых отрядов (СА) и регулярно жертвовал средства партии. Формально он не присоединился к нацистской партии, а вот его сын, также Эрнст Август, присоединился и стал членом «общих СС», он носил зловещую черно-серебристую форму с эмблемой «мертвой головы». А сама принцесса Фридерика входила в Союз немецких девушек, женскую молодежную организацию в нацистской Германии. В ее частной школе-интернате в Италии ее помнили за защиту нацистской политики. Позднее ее окрестили «Прусским сержантом».

Ее родители встречались с Гитлером, их беседы сосредотачивались на создании устойчивых связей между Англией и Германией. Но Гитлер не хотел пустых слов: он хотел создать союз между королевскими домами Британии и Германии. Его предложение поженить принцессу Фридерiku и принца Уэльского было сделано в 1934 году и передано королевской паре Иоахимом фон Риббентропом, назначенным доверенным лицом фюрера, который раньше занимался продажей шампанского. В то время Риббентроп был назначен специальным уполномоченным по разоружению, его задачей было доказать миру, что Германия хочет мира.

Когда он сообщил им о планах Гитлера на их дочь, герцог и герцогиня, которые только вернулись из Англии, где их принимали король Георг V и королева Мария, были «изумлены». Мать Фридерики, принцесса Виктория Луиза, была в глубоком замешательстве, так как в прошлом ее тоже рассматривали как потенциальную невесту для будущего английского короля.

Даже эти нацистские аристократы не могли одобрить брак между их дочерью-подростком и мужчиной, который на 22 года был ее старше. Герцогиня позже вспоминала:

«Мой муж и я были разбиты. Нечто подобное никогда даже в голову нам не приходило, даже ради примирения с Англией. Перед Первой мировой войной мне было предложено выйти замуж за моего кузена [принца Уэльского], который был на два года младше меня, и теперь мне предлагают выдать за него замуж мою дочь. Мы сказали Гитлеру, что, по нашему мнению, одна лишь разница в возрасте между принцем Уэльским и Фридерикой исключает возможность их брака и что мы не готовы оказывать такое давление на нашу дочь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.